

УДК 316.728

Нечаева Екатерина Сергеевна

аспирантка
Кубанского государственного университета
тел.: (918) 27-32-825

**СТРУКТУРЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРАКТИКИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация:

Для понимания современной социальной реальности российского общества существует необходимость социологического изучения трансформаций общества с использованием биографического метода.

Ключевые слова:

структура, повседневность, трансформация, перестройка, интервью, биографический метод, респондент, дефицит.

Nechaeva Ekaterina Sergeevna

PhD student of
Kuban State University
tel.: (918) 27-32-825

**STRUCTURE AND SOCIAL
PRACTICE OF EVERYDAY LIFE
IN THE CONDITIONS OF SOVIET
SOCIETY TRANSFORMATION**

The summary:

For understanding the contemporary social reality of Russian society the sociological research of society transformation considering the biographical method is required.

Keywords:

structure, everyday life, transformation, reorganization, interview, biographic method, respondent, deficit.

В последние годы в науке возрос интерес к проблемам повседневности, стали появляться исследования по проблемам бытовой культуры, образа жизни в различные эпохи, философскому осмыслению обыденности. И это не случайно. Из подробностей и мелочей быта, образа жизни складывается устойчивая типологическая определенность, своеобразное «лицо» общества как такового. Ценность исследований быта в том, что быт выступает «обратной стороной» общественного бытия. Структуры повседневности, сплетаясь друг с другом, образуют специфические локальные пространства, которые охватывают различные стороны человеческой жизнедеятельности. Они включают в себя как сознательные, так и бессознательные элементы, формируя сложную систему повседневности [1, с. 89].

Для понимания современной социальной реальности российского общества существует необходимость провести социологическое изучение трансформаций общества, происходивших в советском обществе, и попытаться понять, переосмыслить, осознать конкретную ткань бытия, окружающую человека в течение его жизни. Пока существует такая возможность, необходимо использовать не только официальные источники, но и субъективно-личностный опыт человека – современника прошлых событий.

Актуальным является изучение такого опыта в период трансформации общественных моделей, когда вырабатываются новые стратегии существования и выживания. В социальной истории России было несколько таких периодов – один из них, вошедший в историю как «перестройка», охвативший вторую половину 1980-х – начала 1990-х гг., представлен в данной статье.

Происходившие в СССР серьезные изменения затронули все стороны политической и социально-экономической жизни советского общества. В научной литературе, учебниках основной акцент делается на политической жизни страны, на описании внешне- и внутривнутриполитических событий, в то время как огромный пласт трансформации социальной реальности, метаморфоз социума остается за кадром научного рассмотре-

ния. Однако реальная повседневность советского человека эпохи перестройки была гораздо многостороннее и многограннее.

Поэтому в ходе исследовательской работы была предпринята попытка реконструкции событий, развернувшихся на арене российской истории с середины 1980-х годов и в начале 1990-х, на основе «жизненных историй» современников. Была сформирована и реализована оригинальная методика свободного / полустандартизированного интервью с людьми, которые были непосредственными участниками и свидетелями ломки прежнего режима и становления новой России.

Исходно была выдвинута гипотеза о том, что основной линией в рассказе респондентов будет выступать политическая, т. е. восприятие и оценка реформ, общественных преобразований, в частности таких «знаковых», с точки зрения официальной истории, как «перестройка», новая внешняя политика, распад СССР, свобода, демократия и т. д. Но, вопреки выдвинутой гипотезе, ведущее место при реконструкции событий заняли экономические и социальные факторы. В памяти респондентов в первую очередь отложились и соответственно воспроизводились экономические и социальные структуры повседневности, в то время как политические практически не затрагивались в беседе и не волновали опрашиваемых.

Как показывают интервью, ключевой экономической структурой повседневности эпохи перестройки является продовольственный и продуктовый дефицит. «Дефицит» позднего советского времени (период 1980-х гг.), несомненно, является отмеченным «местом» в топографии коллективной памяти тех, кто это время пережил, – вплоть до того, что весь этот период концептуализируется через рассматриваемое понятие: *«Начало 1980-х годов – это жуткий дефицит»*.

Вспоминая те годы, респонденты прежде всего отмечали, что тогда главной задачей людей было выжить, а ключевым словом был «дефицит», который в свою очередь породил особый жаргон: «блат», «знакомства», «купить и достать».

«Дефицит был всего: дефицит был промышленных товаров, нельзя было купить в магазине нормально ни обувь, ни косметику, ни колготки, ни постельное» (жен., 48 лет).

В то же время «дефицит» был разным для разных категорий людей. Те, у кого были соответствующие связи, знакомства, дефицит переживали по-другому. Для них он тоже существовал, но в более мягкой форме, так как «достать», в принципе, можно было все или почти все.

«Кума на базе работала в росгалантерее, подружка у меня работала в Пашковском райпо, одна подружка работала – база Крайпотребсоюз, другая подружка работала в салоне новобрачных, то есть как бы дефицита ни в тапочках, ни в трусах – нигде у нас дефицита не было... Всегда надо было завести знакомство, поддерживать его, чтобы можно было потом обменяться или достать что-то, хотя многие сами приходили и знакомились» (жен., 50 лет).

Советская экономика работала так, что непрерывное создание дефицита в сфере производства дублировалось непрерывным воспроизведением очередей в сфере распределения. Стояние в очередях было на протяжении нескольких поколений рутинной, само собой разумеющейся частью повседневного существования. Эта деятельность не была просто приложением к «основной жизни». Она была в нее вплавлена, задавала ее распорядок, определяла в значительной степени ее ритм [2, с. 97].

«...Очереди меня не травмировали, потому что по-другому в моей жизни не было. Стоя в огромной очереди за мясом или еще чем-нибудь, я не чувствовала никакого возмущения, это было нормой» (жен., 60 лет).

Советскую очередь можно рассматривать как одну из «фокальных точек» советской «культуры» (хотя, конечно, не единственную). Само существительное «очередь» очень легко связывается с прилагательным «советское».

Интервью позволяют говорить о том, что опыт жизни при «дефиците» играет достаточно значимую роль для респондентов. Символическая роль пережитого «дефицита» порой оказывается столь велика, что выражается в желании информантов противопоставить себя как людей, этот опыт имеющих, тем, у кого такой опыт отсутствует. *«Тот, кто это не пережил, не может этого понять»* (жен., 65 лет), – один из достаточно стойких мотивов интервью, свидетельствующий о попытках символического формирования некой «мы-группы». Здесь, похоже, мы имеем дело с двумя различными и даже противостоящими друг другу мотивами. Во-первых, определенная «экзотизация» советского опыта, встроенного в структуру коллективной идентичности целого поколения. Предположительно, что вне зависимости от того, насколько разнятся теперь потребительские возможности и потребности разных групп людей, дефицит позднего советского времени является нарративным «топосом памяти» [3, с. 175].

В те годы меркой благополучия для людей была возможность или невозможность достать дефицитные продукты, например колбасу, шпроты.

«Я помню прекрасно, когда в магазине я стояла в очереди за колбасой по 2.20 или 2.80, я могла стоять в ней минут 40, брали все не по 300–400 или по полкило, брали батонами – весил, наверно, более 2 кг. Я прекрасно помню, как в гастрономе вывозили тележку с расфасованным сыром или сливочным маслом, и народ накидывался просто как коршуны на эту тележку, и все расхватывали» (жен., 45 лет);

«...колбаса сформировалась как мерило благосостояния: так вот он сколько колбасы мог купить» (муж., 48 лет).

Отдельной статьей советской повседневности выступает отношение людей к алкоголю. Большинство интервью начиналось именно с воспоминаний об антиалкогольной компании М.С. Горбачева 1985 г., которая носила название «сухой закон».

«..Наверное, в этот период я только помню борьбу с алкоголизмом...» (жен., 48 лет);

«...85-й год, 85-й год... он запомнился мне, это сухой закон. 17 мая 1985 года запретили продажу спиртного».

Не только продукты питания играли значимую роль в жизни советского человека – лейтмотивом в советской повседневности проходит мнение о дефиците вещей, описание мира вещей, об ограниченном по сравнению с сегодняшним днем количестве вещей, об ограниченной номенклатуре товаров, бедном выборе, небольшом количестве вещей в обиходе. Возникает вопрос о том, какие именно вещи выступают критерием успеха. Данные проведенных интервью позволяют предположить, что символами статуса являются автомобиль, мебель и т. д., то есть вещи, которые заняли верхние места в списке желаемых предметов.

«Вообще, если в советское время говорить, как достаток человека определялся, это – ковры, хрусталь, телевизор, про магнитофоны молчу, это было и дефицит, и еще не было той техники, под которой предполагают, под названием магнитофон. Хрусталь, ковры, телевизор, ну и самое главное машина, машина и наличие дачи, если есть возможность у людей» (жен., 48 лет);

«Хрусталь, хрусталя у всех полно было, и американцы, когда приезжали, знаковая сверху жила, и причем они все говорили – какие вы все тут богатые, как много у вас хрусталя. Тогда у всех вообще-то так было. Если колбаса у всех была мерилом, то у всех крутиков сервиз «Мадонна», «пастушки», они перламутровые, тарелки, их везли

из Германии. Если есть «Мадонна», то у тебя, значит, все нормально дома. Ковры, запись в очередь на ковры, телевизоры» (муж., 48 лет);

«Да ты что – ковер на пол! Это только богатые могли себе позволить, ковер должен висеть на стене и радовать глаз!» (жен., 41 год).

Иногда сюжетные линии рассказов пересекаются с официальным изложением событий. Так, например, в официальном варианте экономического развития страны в данный период отмечается, что «быстро стали развиваться кооперативный сектор экономики и индивидуальная трудовая деятельность. Формирующаяся рыночная экономика в значительной степени стала носить спекулятивный характер, ориентируясь в своей работе на сиюминутную выгоду».

Респондент также отмечает: «Когда я уже работала, были перекупщики – спекулянты, привозили опять-таки из Москвы и парфюмерию, и косметику... В то время начали расти кооперативы, возрождаться, так сказать, но кооперативы – это, естественно, был очень низкий уровень качества продукции...» (жен., 38 лет).

Зарождение подобных элементов в экономике было естественным для того периода времени, так как оно характеризовалось нестабильностью почти во всех сферах жизни государства. И, несмотря на то что были сложности, следует подчеркнуть, что благодаря личным, неформальным связям людям удавалось жить, решать насущные проблемы.

Обнаружились в оценках событий различия, обусловленные возрастом респондентов. Старшее поколение, пережившее немало изменений, имея большой жизненный опыт, к этим переменам относилось достаточно лояльно и сохраняло уверенность в завтрашнем дне.

«То, что продуктов не было, ты знаешь, все равно мы не голодали... друг друга все же ценили больше, чем сейчас... Голые не ходили, одевались нормально» (жен., 65 лет).

Перестройка в стране началась с подготовки и проведения реформ по всем направлениям общественно-политической, социально-экономической и научно-культурной жизни. Эти реформы готовили сверху, по инициативе центра, точнее, руководства КПСС. Когда же стало ясно, что экономические реформы не идут, возник вопрос: что делать? По этому вопросу много дискутировали в Политбюро, ЦК КПСС, Секретариате ЦК КПСС, в самом Центральном Комитете партии. Вывод был один – нужны политические реформы. Пленум ЦК КПСС принял решение о проведении XIX партийной конференции, на обсуждение которой были вынесены все кардинальные вопросы политической реформы.

«Потом как началось, все внимание, вот эта вот XIX партконференция, эта, горбачевская, все так интересно; смотрели, обсуждали, как сказал хорошо, многие после того режима коммунистического, и как-то воспринималось: свежий ветер, ну надо же, как пошло все это, а потом как-то это приелось, и все, и...» (муж., 48 лет).

Большинство опрошенных людей не следили за событиями в стране, аргументируя это либо занятостью, либо отсутствием интереса к тому, что происходило в стране.

Хотя с телевидением связано интересное событие, как раз имеющее прямое отношение к перестройке, кардинальной трансформации, – многим советским людям оно запомнилось как знаковое, переходное.

«...А что ГКЧП, включаем телевизор, а там скрипки, виолончели, поняли, что кто-то ластами щелкнул, а потом такой шугняк, что переворот, классическая музыка играет, полдня почти никто ничего не знает, пытались позвонить – телефонная связь не работает, везде занято было» (муж., 50 лет).

Начало 1990-х годов в истории описывается респондентами как тяжелое время, когда в условиях товарного дефицита приходилось делать продуктовые запасы, выращивать на своих огородах и дачах необходимые продукты.

«Крупы покупали, когда возможность была, но нас хорошо выручала картошка, которую мы у бабушки сажали, а еще сажали бурак, морковь, лук. В один год уродилось 4 мешка картошки, 4 мешка лука, бурака, мы не знали, что делать, хранить было негде» (жен., 48 лет).

Ярким событием, проявившимся в воспоминаниях респондентов, была приватизация и связанное с ней появление ваучеров. Ваучерная приватизация 1992–1994 гг. и последующие приватизационные акты привели к потере государственным сектором ведущей роли в экономике, отмечает официальный источник. Однако «потери» понесли и рядовые граждане, скорее пострадавшие, чем выигравшие от приватизационных процессов.

«Моя жена, вложила (вложила ваучер. – Авт.) в какую-то нефтяную компанию, я вложил в автомобильную всероссийскую компанию, думал, что он будет приносить прибыль. Говорилось, что всю собственность страны поделили на вот эти ваучеры и каждый ваучер как бы часть собственности страны, но в реале это оказалось полное надувательство» (муж., 45 лет).

Социально-экономическую и политическую обстановку начала 1990-х гг. характеризуют и такие негативные явления, как большая волна преступности в различных сферах, коррупция, взяточничество, открытый бандитизм. Характерные черты того периода: становление рынка; появление богатых, так называемых «новых русских»; приватизация, по существу, за бесценок.

«...Ага, борсетки, спортивные костюмы с модельными туфлями под белые носки, такое было... Бригады тут насались, среди знакомых было: Кучерявый, Жора Бакинский, Магаданский, Волчок тогда был при власти, воры в законе. Говорили: ребята живут хорошо, но не долго» (муж., 48 лет).

В годы перестройки казалось, что страна вступает в новый цикл модернизации общественных отношений, направленной на формирование политической демократии, демомонополизацию экономики, освобождение частной инициативы, появление трудовой мотивации. Эти преобразования должны были повысить уровень социального благосостояния и создать социально-экономический и политический комфорт для раскрытия духовного, творческого, нравственного потенциала личности. Государству при этом отводилась роль гаранта сохранения того социального состояния населения и тех прав человека, которые были достигнуты на предыдущей стадии развития. Но многочисленные ожидания не оправдались.

«В 90-х, когда рухнула советская система, Советский Союз развалился, чтобы устранить дефицит, подняли цены, сделали их такие, которые действительно отражали затраты, более или менее соответствовали реальной жизни, и появилось сразу все, и люди были ошарашены».

Наряду с социально-экономическими аспектами, значимым в воспоминаниях оказался социокультурный. Важную роль играл имидж человека, который в тот период ассоциировался с образованием, эрудированностью, но в сочетании с принципом «доставания» он приобрел искаженные формы: так хорошим тоном считалось иметь дома библиотеку, но большую часть книг никто не читал.

«Опять-таки в книжных магазинах был страшный блат, моя мама, когда я была ученицей, я ж читала, она купила мне по тем временам двухсоттомник художественной всемирной литературы за 3 тысячи рублей, это были страшные деньги, невероятные, но дочечке нужно было читать. Я читала, но не все...» (жен., 35 лет).

Помимо книг, респонденты в интервью делали акцент на газеты, которые тоже пользовались популярностью, были в изобилии и в дефиците, куда ж без этого.

«Правда», «Известия», «Труд», что еще, ну это были политические, была еще «Советская Россия», общепризнанные, «Правда», «Труд», «Советский спорт» – это из популярных, были местные еще – «Советская Кубань», была еще «Нива» – но это советская газета сельхознаправленности, была «Литературная газета», был журнал «Крокодил»...»

В целом, при анализе общей линии для всех интервью становится очевидным тот факт, что структуры повседневности (то, что окружает человека и опосредует его жизнь) стремительно менялись вследствие политических событий, проходивших в Советском Союзе и в его республиках. Эти изменения оказали существенное (хоть и не всегда явное) влияние на современное общество, отразились и на процессе мировой политической истории. Сегодня трудно объективно разобраться во всех этих событиях и особенно в их последствиях, и дать однозначный ответ на все вопросы, которые в этой связи возникают.

Ссылки:

1. Маслова О.М. Количественная и качественная социология: методология и методы (по материалам «круглого стола») // Социология: 4М. 1995. № 5–6.
2. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. М., 1997.
3. Куратов О. Хроники русского быта 1950–1990-х гг. Неофициальная фактография. М., 2004.

References (transliterated):

1. Maslova O.M. Kolichestvennaya i kachestvennaya sotsiologiya: metodologiya i metody (po materialam "kruglogo stola") // Sotsiologiya: 4M. 1995. No. 5–6.
2. Munchaev S.M., Ustinov V.M. Istoriya Rossii. M., 1997.
3. Kuratov O. Khroniki russkogo byta 1950–1990-kh gg. Neofitsial'naya faktografiya. M., 2004.